

В. П. ОКЕАНСКИЙ

ЧЕЛОВЕК И ТОТАЛЬНОСТЬ:
ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА
И ЕЁ КРИЗИС

Федеральное агентство по образованию
Российской Федерации

Центр кризисологических исследований
при ГОУ ВПО
«Шуйский государственный педагогический университет»

В. П. Океанский

ЧЕЛОВЕК И ТОТАЛЬНОСТЬ:
ПОЭТИКА ПРОСТРАНСТВА
И ЕЁ КРИЗИС

МОНОГРАФИЯ

Иваново – Шуя
2010

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО «ШГПУ»*

Научный редактор —
доктор филологических наук, профессор **В. П. Раков**

Литературный редактор —
кандидат филологических наук, доцент **Ж. Л. Океанская**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов** (ИвГУ),
доктор филологических наук, профессор **Д. Л. Шукуров** (ИГЭУ),
кафедра теории и истории культур
Костромского государственного университета
имени Н. А. Некрасова

О-50 **Океанский В. П.** Человек и Тотальность: поэтика пространства и её кризис: Монография. — Иваново, 2010 — 358 с.

В научной монографии автор, следуя путём культурологической герменевтики, на предметном уровне совмещает литературоведческую практику изучения русской классической словесности и многоплановый опыт современной науки о культуре, имеющей давнюю историю самопонимания с опорой на религиозно-философские контексты. Преследуя цель раскрытия специфики проживания макрокультурного кризиса русским интеллектуально-поэтическим миром на закате Нового времени и решая задачи обращения к конкретике художественных миров, книга фиксирует при этом фундаментальную метафизическую проблему, отражённую в её названии. Этот труд можно рассматривать и в качестве непосредственного продолжения изучения культурно-морфологической проблематики, означенной автором в работе «Мир Хомякова: Церковь и культура».

«С годами человек заселяет пространство образами провинций, царств, гор, заливов, кораблей, островов, рыб, жилищ, орудий труда, звёзд, лошадей и людей. Незадолго до смерти ему открывается, что терпеливый лабиринт линий тщательно слагает черты его собственного лица...»

Борхес

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА РУССКОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ XIX ВЕКА: Е. А. БАРАТЫНСКИЙ, А. С. ХОМЯКОВ, Ф. И. ТЮТЧЕВ		5
<i>Глава I. Е. А. БАРАТЫНСКИЙ: ЭСХАТОЛОГИЯ И РОДИНА</i>		
§ 1. Поэтическая эсхатология Е. А. Баратынского		31
§ 2. Тема «малой родины» в поэтическом мире Е. А. Баратынского		53
<i>Глава II. А. С. ХОМЯКОВ: ЛАНДШАФТ И НЕБО</i>		
§ 1. Специфика художественного пространства в лирике А. С. Хомякова		71
§ 2. Поэтическая метафизика стихотворения А. С. Хомякова «Заря»		87
§ 3. Тотальность бытийного сна в последнем стихотворении А. С. Хомякова		109
<i>Глава III. Ф. И. ТЮТЧЕВ: КОСМИЗМ И КЕНОЗИС</i>		
§ 1. Человек и пространство в художественном мире Ф. И. Тютчева		113
§ 2. Символическая герменевтика стихотворения Ф. И. Тютчева «Сны»		122
§ 3. Лексическая субстанция Ты в художественном мире Ф. И. Тютчева: персонологические особенности поэтической софиологии		137
§ 4. В. С. Соловьев и Ф. И. Тютчев: проблемы поэтической софиологии		149
<i>Глава IV. ЧЕЛОВЕК И ТОТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ XIX ВЕКА</i>		
§ 1. Антропное и космическое в культурных горизонтах Нового времени		161
§ 2. Антропоморфология тотальности в русской метафизической лирике XIX века		169
§ 3. Эсхатологическая мистерия «Листопада»: эзотерическая герменевтика «Осенней поэмы» И. А. Бунина		203
МИФОСНОВЫ И ПРОПАСТИ		216
ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ПРИЛОЖЕНИЯ		
МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ЛИРИКА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА		223
ЛОКУС ИДИОТА: ВВЕДЕНИЕ В КУЛЬТУРОФОНИЮ РАВНИНЫ		237
МЕТАФИЗИКА ПЬЯНСТВА Н. А. НЕКРАСОВА		256
ИСИХАЗМ А. П. ЧЕХОВА		267
РУССКАЯ АСТРОПОЭТИКА		274
ПРИМЕЧАНИЯ		295

**ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ
И ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА
РУССКОЙ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ ЛИРИКИ XIX ВЕКА
(Е. А. БАРАТЫНСКИЙ, А. С. ХОМЯКОВ,
Ф. И. ТЮТЧЕВ)**

*Мир субъективного создания, с его
пространством и временем, так же
действителен, как мир внешний...*

А. С. Хомяков

Любая объективная история литературы построена на глубинно поставленной интерпретации — по существу, академически значимой (обоснованной и обосновывающей) теории. После выхода знаменитых работ западноевропейских мыслителей М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия» (1945 г.) с особым разделом «Пространство», Г. Башляра «Поэтика пространства» (1957 г.), М. Хайдеггера «Искусство и пространство» (1969 г.) топологическая проблематика ныне активно транспонируется философией, искусствознанием, культурологией, не обошла она и литературоведение, о чём свидетельствует богатое наследие М. М. Бахтина, задолго и совершенно самостоятельно разработавшего глубочайшую прикладную идею «хронотопа», а также труды Ю. М. Лотмана, А. В. Михайлова, В. Н. Топорова... И однако художественная метафизика — метафизическая феноменология поэтического творчества — остаётся и по сей день предметной сферой, всё ещё не достаточно раскрытой именно в топологи-

Излишне говорить, что гневная фраза Шмелева о «чужой крови», которую *скупает* Европа, не ограничивается лишь 1923 г., годом создания его «эпопеи». Можно поэтому сказать, что Солнце мертвых пропитывает своими мертвящими лучами и пышный корабль старой Европы.

С. И. Кормилов
(г. Москва)

**РАССКАЗ И. С. ШМЕЛЕВА
«ЗАБАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ»:
СОДЕРЖАНИЕ И ПОЭТИКА**

«Забавное приключение» (1916) сейчас не принадлежит к наиболее известным и популяризируемым произведениям Шмелева. Оно вовсе не упоминается в последней большой книге о нем¹. Не так было в советское время. В 1927 г. в Москве с предисловием Г. Горбачева вышла одна из последних книг избранных произведений писателя-эмигранта, изданная перед длительным перерывом. Она была названа по заглавию этого рассказа «Забавное приключение». А после перерыва, закончившегося в 1960 г., в одно из первых возобновленных изданий – «Повести и рассказы» (М., 1966) – этот рассказ вошел в числе восьми публикаций, среди которых самые известные произведения: «Человек из ресторана», «Росстани», «Неушываемая Чаша» (важно было, что это повесть о талантливом крепостном), отрывок «Москвой» из «Богомолья» (правда, представленный как самостоятельный рассказ).

Понятно, почему к «Забавному приключению» в разное время относились столь различно. Ведь его герой – крайне несимпатичный богатеющий капиталист. Советским литературоведам таких надлежало разоблачать. О. Н. Михайлов в предисловии к сборнику 1966 г. умудрился даже патриархального и добрейшего Данилу Степановича, окруженного любовью практически всех вокруг (элегические «Росстани»), выставить прежде всего «воротилой»:

«Данила Степанович – тип русского, патриархального воротилы и, одновременно, основателя нового класса». И далее: «Шмелев, чуткий художник, в ряде произведений – «Распад», «Стена», «Росстани», «Забавное приключение» – с большой точностью запечатлел все фазы превращения вчерашнего простецкого крестьянина, наделенного одной лишь русской сметкой, в «самоновейшего» капиталиста»². Автора статьи не смущало то, что о социальном происхождении героя «Забавного приключения» ничего не говорится, он поставил Карасева в один ряд со стариком Данилой Степановичем из «Росстаней» исключительно по классовому признаку. Для «оправдания» писателя-эмигранта нужно было объявить его как критиком капиталистов, так и провозвестником их краха. О. Н. Михайлов писал, что «уже в «Забавном приключении» писатель показал не только силу рвущихся к кормилам власти новых дельцов, но и недолговечность, шаткость их царствования. Бесперывно сыплющий новыми заказами телефон, шестидесятисильный «фиат» у подъезда собственного особняка, дорогая любовница, стотысячные обороты, «компактный дорожный завтрак» от Елисеева, почтительно козыряющий городской рассказ о воротиле Карасеве начинается так, что вот он – новый хозяин России, который поведет ее дальше стремительным «американским» путем. Но, выехав из Москвы, «фиат» застревает в бескрайнем русском бездорожье, и тогда вдруг оказывается, что прочность карасевского могущества, осмысленность его деловой, стяжательской гонки все это призрачно в истомленной войной и разрухой стране. Тут нет ни десятиэтажных домов, ни асфальта, ни городских, ни роскошного магазина Елисеева, а есть гигантский вакуум нищеты и ненависти мужика к богатею» (с. 11-12).

Суждение не совсем безосновательное, хотя Шмелев, разумеется, не думал в 1916 г., что всего через год богатеи экспроприруют, и не хотел никакой насильственной экспроприации. Но Михайлов совершенно умалчивает о том, что в рассказе большую роль играет случайность. Машина там вовсе не застревает на бездорожье, а ломается на дороге из-за непомерного превышения скорости, к которому торопящийся по делу Карасев побуждает своего шофера; погода испортилась внезапно, дом лесника не сразу удалось найти из-за наступивших сумерек, случайно оказалось, что знакомого Карасева лесника Никиту заменили, а нового лесника с гостями он застал пьяными. Зять этого лесника служил